

Добрые бабушки и строгие дедушки

В мире детства отцы и матери наших родителей занимают особое место. Так было и с Вайрой, хотя вторая мировая война нарушила стабильность семейных, как и всех других, отношений и связей.

О, наши дедушки и бабушки (при удачном стечении обстоятельств их может быть по двое), такие непохожие друг на друга и такие верные себе! Воспринятые однажды в самом нежном возрасте, их образы живут в наших мыслях и в памяти, споря по выразительности и яркости с библейскими персонажами, и угасают только вместе с нами. В случае Вайры оказалось, что бабушек может быть даже не две, а три. Которая же из них была всего ближе?

«У меня была бабушка в Риге, бабушка в Дуникской волости и бабушка в Доле, — рассказывает Вайра Вике-Фрейберга. — Ещё до нашего отъезда из Латвии умер мой дед, тот, что жил в Доле, его похоронили в Кекаве, там было такое маленькое, по-своему милое кладбище. Я была однажды у деда в больнице, когда его готовили к операции, и то был последний раз, когда мне довелось его видеть. Он вышел со мной в больничный сад прогуляться, и у меня было странное ощущение — что он со мной прощается. Я не могу вспомнить дословно, что он говорил, но головку он мне гладил так, что я поняла: мы больше не увидимся. Кажется, он сказал при этом — расти, мол, большая, умная, здоровая. И тут снова дала знать о себе моя интуиция. После этой нашей встречи однажды в воскресенье мама предложила поехать с ней навестить больного дедушку. Вернее, она предлагала на выбор — или с папой, то есть отчимом моим, идти на рыбалку или же с нею — в больницу. Я выбрала рыбалку, мне так нравилось бродить в камышах, шлёпать босиком по воде и быть вместе с папой. Потом этот выбор долго отягощал мою совесть.

Вместе с бабушкой мы отправились навестить больного в следующий выходной, но его койка была пуста и свежезастлана. Бабушка совсем растерялась: куда же он делся? Тут подошла сестра милосердия в белом халате и в белой накрахмаленной шапочке, бабушка спрашивает у неё: где мой муж? «Как зовут вашего мужа?» — осведомилась та. Бабушка: «Вилис Викис». «Викис умер», — сказала, точно отрубилась, сестра. Прimitивно и грубо: мол, тут и спрашивать нечего, так и ожидалось; что за невидаль — умер и умер. Бабушка моя, услышав это, зарыдала в голос и сползла на пол. И теперь, стоит мне вспомнить моего дедушку из Доле, как следом тут же приходят на ум и горькие слёзы бабки, и чужое бездушное, чужая бессмысленная жестокость.

В Дунике тоже были и дедушка, и добрая, ласковая бабушка. Дед с виду был суров, даже резок на словах, но я-то знала, что и он может быть очень ласковым. В войну ничего уже было не достать, но я запомнила, как он отомкнул запертый шкаф и вынул откуда-то две конфетки. Ещё стоит у меня перед глазами такая картина: он обрабатывает какой-то инструмент на точильном станке. Он разрешал мне стоять рядом, смотреть, время от времени что-то объяснял. Мне это было по душе, я чувствовала, что дедушка уделяет мне внимание, это был как бы знак уважения. Бабушка меньше запомнилась. Разве вот — с ней мы ходили по грибы, набрали рыжиков, отварили и солили, складывая в глиняный горшок. Она знала лечебные травы, помогала при родах, ухаживала за тяжёлыми больными. Любила все живые создания, особенно собак и — цветы. При всей ласковости была и в ней какая-то суровость, но мне нравилось ходить за ней по пятам.»

Дуникский дед умер вскоре после войны, а вот с бабушкой Вайре посчастливилось свидеться ещё раз, уже будучи взрослой. Это произошло в 1969 году, она приехала в Советскую Латвию, где был в силе строгий запрет для зарубежных латышей: ни шагу за

пределы Риги! Чтобы повидаться с внучкой, бабушке пришлось из Дуники вместе с другой сельской родней отправиться в столицу, где в гостинице «Рига» размещались представители латышской диаспоры, в том числе и Вайра. Прожившие всю жизнь на одном месте, дед и бабка Вайры Вике-Фрейберги покоятся на Дуникском погосте.

В Юрмальской резиденции президента, в одном из укромных уголков, на столе стоит старая, еще в довоенное время вставленная в рамку фотография; на ней мы видим маленькую Вайру в зимнем пальтишке, с кроличьим воротником, шапкой и муфтой. Рассказ об этом снимке и об этом пальто будет одновременно и рассказом о «рижской бабушке», матери отчима, которая была и осталась особенно мила Вайре. «В то время было принято по любому поводу обращаться к специалисту, — говорит Вайра Вике-Фрейберга. — Пальто, скажем, заказывали у портного, платье у швеи, головной убор — в шляпной мастерской, снимались „на карточку“ у фотографа-профессионала, — всё, что у человека было, делалось на заказ для него лично и доставлялось ему. Время от времени заглядывать в фотомастерскую и сниматься — причем не только для паспорта — в тогдашней Латвии вошло, можно сказать, в обычай». Что же касается теплого пальто — Вайра Вике-Фрейберга напоминает, что в военное время пошить что-то новое было целым событием. Товары выдавались по специальным купонам, но купон вовсе не гарантировал, что желаемый предмет окажется в твоих руках.

Товарный дефицит породил чёрный рынок, там появлялись и те вещи, которые должны были выдаваться лишь по карточкам; так уже во время войны начала формироваться система «блата», достигшая полного развития в Советской Латвии. «Если у тебя не было чего-нибудь такого, что „по блату“ можно отдать взамен, то новую одежду добыть оказывалось практически невозможно, а потому все перешивали старые вещи. Люди обращались к модисткам, и те, нужно сказать, переделывая старьё, проявляли чудеса изобретательности. Детей в то время одевали только так — перелицовывая и перешивая старую одежду родителей; так было и с моим пальто, которое вы видите на снимке. Помню, рижская бабушка рыскала по всему городу в поисках ниток, материи на подкладку и ватина. Пальтишко было темно-синего цвета с белым кроличьим мехом. Чтобы раздобыть этот мех, приходилось тоже искать обходные пути и варианты обмена. Всё это был дефицит, стоивший хлопот и огромных усилий». Рижская бабушка рано овдовела и вышла замуж вторично, о её муже Вайре сказать особенно нечего, а вот бабушка осталась в памяти человеком, который без конца бегаёт, хлопочет, только и думая о том, чтобы внучке было хорошо, чтобы она была одета и обута как следует.

В школу поступить Вайра до отъезда из Латвии не успела. Зато не изгладились из памяти ярчайшие впечатления от театра: и мать, и отчим были завзятые театралы, и так как ребенка им не с кем было оставить, уже с трёхлетнего возраста Вайру брали с собой на спектакли. «То был особенный и отдельный мир, и его роль в моем дальнейшем развитии очень велика», — утверждает Вайра Вике-Фрейберга.